

Марина
СЕРОВА

МЕСТЬ

Лисьей долины

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Месть Лисьей долины

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Месть Лисьей долины / М. С. Серова — «Эксмо»,
2018 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-092413-4

Во время утренней пробежки телохранитель Евгения Охотникова обратила внимание на необычную свадьбу: две совершенно одинаковые девушки в одинаковых платьях стояли на ступенях ЗАГСа, готовясь выйти замуж за очень похожих молодых людей. Женя едва успела подумать, что не хотела бы делить с кем-либо такой уникальный и неповторимый день своей жизни, как раздался хлопок и один из счастливых женихов замертво рухнул на землю. Повинуясь многолетнему инстинкту защищать и охранять, Евгения не раздумывая кинулась на киллера, который вновь поднял пистолет для выстрела. Отлично бегающей Жене не удалось догнать преступника, зато ее саму догнали и скрутили неповоротливые охранники несостоявшихся молодоженов, а их хозяева сделали Охотниковой предложение, от которого она и не подумала отказываться – охранять девушек-близнецов, чья свадьба была сорвана таким жестоким образом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092413-4

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Месть Лисьей долины

© Серова М. С., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

«Какие красивые человеческие экземпляры встречаются в нашем провинциальном Тарасове!» – думала я, глядя в зеркальное стекло витрины магазина. К сожалению, я имела в виду вовсе не себя. Хотя я тоже очень ничего – стройная брюнетка ростом метр восемьдесят, спортивного телосложения и без единого грамма лишнего веса. Мое умозаключение относилось к двум прелестным близняшкам в свадебных платьях. Красотки отражались в витрине магазина сантехники, на бордюр которого я поставила ногу, чтобы перевязать шнурок. Я вышла на обычную утреннюю пробежку, слегка запыхалась и использовала развязавшийся шнурок как удобный предлог передохнуть. Все-таки мне уже не восемнадцать.

Невесты поднимались по ступеням ЗАГСа, держа в руках одинаковые букеты. И платья на красотках были одинаковые – длинные, из кремовых кружев. Только прически и головные уборы разные: у одной – флердоранж, у другой – воздушная шляпка с короткой фатой. Вот чего я не понимаю, так это того, как можно выходить замуж за компанию! Предполагается, что это уникальный, неповторимый, самый счастливый день в жизни жениха и невесты... и вдруг рядом твоя точная копия, да еще в точно таком же платье?! Нет-нет-нет! Ни за что! Когда я, единственная и неповторимая, решу наконец выйти замуж, рядом со мной не будет и тени соперницы!

Хотя близнецы – люди особенные, считается, у них особая связь друг с другом. Кстати, и женихи тоже похожи – не близнецы, но, кажется, определенно братья. Одинаковые смуглые лица с голубыми узкими глазами, одинаковые костюмы сливочного цвета и сиреневые цветы в петлице. На этом сходство заканчивалось. Один – высокий спортивный красавец, второй – ростом брату по плечо, накачанный, широкоплечий, но неуклюжий и косолапый как медведь.

Что ж, женское сердце – загадка. Тем более что в наши непростые времена девушки выходят замуж не только по любви. Может быть, у этого косолапого богатый папа? И прагматичную невесту, сделавшую правильный выбор, ждет ослепительное будущее?

Кстати, очень похоже, что я угадала верно – свадьба была непростая, из категории ВИП. ЗАГС был закрыт для обычных посетителей, со стоянки убрали посторонние машины, остались только лимузины гостей. Лестница, по которой поднимались невесты, была покрыта алым ковром, точно красная дорожка на Каннском кинофестивале, да еще огорожена столбиками и красными лентами, чтобы никто посторонний не смог испортить богатым девочкам самый счастливый день.

И гости были тоже непростые – никаких фигуристых теток в дешевых платьях, никаких поддатых красношеих мужичков в непривычных тесных галстуках. Женская половина группы гостей вызывала в памяти слово «леди». Мужская заставляла руку тянуться к калькулятору. Совокупные состояния гостей явно многократно превышали бюджет нашей области. Некоторые физиономии были мне хорошо знакомы – наш Тарасов город небольшой, все мало-мальски богатые и знаменитые здесь на виду. Кое-кого из гостей я знала еще ближе – в свое время они были вынуждены прибегать к моим дорогостоящим услугам.

Но самым верным признаком того, что свадьба, как снесенное незабвенной Курочкой Рябой яичко, не простая, а золотая, была охрана.

На охрану я смотрела куда более ревнивым взглядом, чем на прелестных невест и их наряды. В конце концов, замуж я пока не собираюсь, а вот охрана – это моя работа. Дело в том, что я телохранитель. Единственная женщина-телохранитель в нашем городе. Очевидно, устроители свадьбы обратились в какое-то охранное агентство – уж слишком одинаковыми были костюмы на мальчиках из охраны. Как следует завязав шнурок и вдоволь налюбовавшись на ВИП-свадьбу, я было собралась продолжать пробежку.

Звук, который раздался в следующую секунду, можно было принять за хлопок откупориваемого шампанского или автомобильный выхлоп. Но я-то знала – это выстрел. Самый счастливый день явно пошел не по сценарию.

Я резко обернулась и успела уловить металлический блеск пистолетного ствола. На другой стороне улицы человек в зеленой бейсболке с длинным козырьком продолжал целиться в нарядную толпу гостей. Я просканировала взглядом эту толпу, чтобы понять, кто же выбран жертвой. Не надо было звать эксперта, чтобы понять – целью киллера были новобрачные. Точнее, один из женихов – тот, что выше ростом, с голливудской внешностью. Сейчас молодой человек неподвижно лежал на ступенях ЗАГСа, и на его кремовом костюме расплывалось ярко-алое пятно. Причем лежал он головой вниз – для живого человека такая поза не характерна. Невеста что-то выкрикнула – очевидно, имя жениха, отбросила в сторону букет и рухнула на колени. Тонкие руки в белых перчатках до локтей гладили и тормозили неподвижное тело. Все остальные свидетели этой кошмарной сцены – и гости, и случайные прохожие, и – самое поразительное – охрана – застыли, парализованные невероятностью случившегося. А, знаю я этих – проводят время в спортзале, думают, кубики пресса помогут в критическую минуту, а лицензия и ствол под мышкой гарантируют отсутствие неприятностей... Вот она, критическая минута настала! Чего застыли? Этот тип, пока вы раздумываете, получает возможность на следующий выстрел, ясно, ослы?

Сестра-близняшка овдовевшей невесты пронзительно закричала. Это был такой жуткий крик, что я вздрогнула. В нем не было ничего человеческого – так кричит раненое животное, так воют пациенты сумасшедшего дома, утратившие остатки разума.

Этот ужасный вопль заставил всех очнуться. Гости побежали вверх по ступеням, прочь от опасного места, торопясь укрыться за дверями ЗАГСа. Невеста прекратила звать убитого, сползла ниже по ступеням и положила голову жениха к себе на колени, не обращая внимания на кровь, пачкавшую французские кружева. Какой-то мужчина, преодолев встречное движение толпы гостей, пробился к бедняжке-невесте и зачем-то набросил пиджак ей на плечи – как будто это могло защитить ее от пули киллера. Впрочем, ничего удивительного – в минуты опасности неподготовленные люди часто совершают нелогичные поступки. Помню, как-то раз я охраняла престарелую мамашу местного мафиози. Нам пришлось спасаться бегством от конкурирующей структуры. Пожилая дама все это время бережно прижимала к груди какой-то предмет. Я не стала проявлять излишнего любопытства – мало ли, может быть, у нее там фамильные бриллианты. Так вот, когда опасность была позади, я полюбопытствовала и обнаружила, что все это время мой охраняемый объект прижимал к груди фарфоровую чашечку с изображением уточек на снегу.

Простительно, если так поступает старушка. Но вот поведение охраны повергло меня в шок. Один из сопровождавших, очевидно, был приставлен лично к невесте. Его сбил с ног падающий жених, и тот скатился по ступеням и теперь барахтался внизу, в складках алой бархатной дорожки. Другой, что должен был охранять близняшку, проморгал момент покушения, но зато потом решил компенсировать ловлю ворон в критический момент – он прыгнул на близняшку и сбил ее с ног – совершенно как Кевин Костнер в фильме «Телохранитель», только вот «Не-е-ет!» не кричал. Девушка принялась вырываться и вопить еще громче, вдобавок за нее вступился жених, похожий на медведя в костюме и накачанный не на шутку – он схватился с телохранителем.

Остальные охранники – их было шестеро, все в черных костюмах – рванулись к киллеру. Вопиющая глупость, верный способ словить пулю. Не знаю, кто инструктировал этих мальчиков, только он позабыл им сказать, что их первостепенная задача – сохранение жизни и безопасности объекта. А нейтрализация угрозы – задача вторая. Если у киллера при себе запасная обойма, он перещелкает стильных мальчиков в черных костюмах, как куропаток. И ничто не помешает ему приняться за гостей.

Кажется, я поняла, что это за ребяташки. Охранное агентство «Альбатрос-98» было стойким объектом моей неприязни с первых дней работы в этом городе. Человек, который его основал, имел смутные представления о профессии бодигарда, зато парился в бане с мэром и хорошо усвоил значение термина «понты». Красивые накачанные мальчики на тяжелых джипах выглядели стильно, признаю, но годились больше для антуража – вот, мол, какой я крутой, какая у меня профессиональная охрана. В ухе проводки, темные очки, одинаковые костюмы и каменные подбородки. Короче, «не влезай – убьет!». А шестимесячные курсы телохранителей им бы не помешали. Если бы эти ребята знали хотя бы азы, они бы не бросились скопом ловить киллера, который, кстати, совершенно никуда не торопился, не налетели бы друг на дружку, не запутались бы в лентах, не повалили бы с грохотом металлические столбики и не образовали бы позорную кучу-малу из барахтающихся накачанных тел. При виде этой картины хотелось закрыть глаза и провалиться от стыда сквозь асфальт.

Но я не стала этого делать. Вместо этого я оценила обстановку. Одна из невест баюкала на коленях голову убитого жениха. Вторая била букетом телохранителя, которому уцелевший жених наносил техничные удары в корпус. Четверо охранников намертво запутались в столбиках и лентах. Только два мальчика в черных костюмах умудрились выбраться из свалки и теперь неслись вниз по лестнице, но безнадежно не успевали. Потому что самый главный человек в этой картине всеобщего безумия, невысокий тип в зеленой бейсболке, снова поднял руку с пистолетом.

Он что, всю свадьбу перестрелять собрался?! Вот ведь какой упорный попался киллер! Обычно, выполнив заказ, профи стремится как можно быстрее раствориться в толпе. Это не так сложно, как кажется – достаточно свернуть за угол, сбросить ствол в коллектор, скинуть куртку и снять приметную бейсболку – кстати, такие вещи надевают специально, чтобы отвлечь внимание от лица, и потом все свидетели как один будут указывать единственную запомнившуюся примету – вот эту самую дурацкую шапку с козырьком, с надписью «Лепрекон» – рекламной недавно открывшейся пивной.

Но наш киллер не собирался останавливаться на достигнутом. Ему было мало одной жертвы. А я находилась ближе всех к нему – кстати, на линии огня.

Мне ничего не оставалось, как кинуться на него. Очень нездоровое занятие, честно говоря. На мне спортивный костюм, от пули он не защищает. Если тип в бейсболке хотя бы поведет стволом в мою сторону, придется рыбкой падать на асфальт. Но, видимо, у меня был устрашающий вид, я неслась прямо на киллера и орала: «Никому не двигаться! Спецоперация!» Мне нужно было привлечь внимание как можно большего числа прохожих, это затруднит отход стрелку. При виде меня «лепрекон» опустил оружие и кинулся бежать. У меня прямо камень с души свалился. Это хорошо, значит, отстреливаться не собирается, а хочет только одного – убраться подальше. Вот как раз этого я ему и не позволю...

На мне была спортивная форма и кроссовки для бега. Конечно, на Олимпийских играх мне не выступать, но бегаю я вполне прилично. Но киллер оказался удивительно проворным. Его белые кроссовки так и мелькали. На бегу он сделал характерное движение – убрал оружие в кобуру под мышкой. Я не возражала. Теперь впереди соревнование в скорости и выносливости, да еще в хорошем знании местных закоулков. Что ж, без ложной скромности скажу – тут мне равных нет. Последние пару лет я бегаю по утрам в этом районе и отличнейшим образом изучила все проходные дворы.

Но гордиться собой мне оставалось недолго. На бегу я периодически орала: «Стойте!» в надежде, что кто-то из прохожих сделает подножку киллеру, и тогда я его нейтрализую. Но прохожие вели себя удивительно мудро – они расступались, давая убегающему убийце дорогу. Что ж, возможно, на их месте я поступила бы точно так же.

Не уверена, что смогу ответить на вопрос, зачем я преследовала типа в зеленой бейсболке. Я не служу в полиции, никто не нанимал меня охранять близняшек-невест. Между прочим, я жизнью рискую! Киллеру достаточно нескольких секунд, чтобы вытащить оружие и продырявить меня. Так зачем же я бегу?

Скорее всего, сработала многолетняя привычка «служить и защищать». Кроме того, в этой спине, обтянутой курточкой из кожзаменителя, в этот момент для меня сконцентрировалось все зло, с которым мне довелось столкнуться в жизни. А еще у меня перед глазами стояло лицо невесты.

Погоня длилась уже минут пять. Для реальной погони – не сцены из голливудского блокбастера – это много. Тип в бейсболке начал снижать темп. Ага, выдохся! Впереди виднелся перекресток. Киллер затравленно оглянулся на бегу, прибавил скорости и исчез за углом. Когда я вбежала в проулок, там было пусто, только пыль кружилась в столбе солнечного света. Передо мной был тупик с глухими, без окон и дверей, кирпичными фасадами. Куда же делся киллер? За это время выбраться на крышу не успел бы даже Ямакаси из знаменитого фильма. Летающая тарелка его забрала, что ли?

Я остановилась, тяжело дыша и озираясь. За моей спиной послышался тяжелый топот, и по обе стороны от меня возникли двое в черных костюмах. Это наконец добежала охрана. Один из мальчиков поправил проводок в ухе и растерянно сказал:

– Первый, Первый, я Пятый. Объекта не вижу. Запрашиваю инструкции.

Вот кретины! Инструкции он запрашивает. Мой взгляд упал на решетку водосточного коллектора. Если исключить вмешательство инопланетян, это был единственный возможный путь отхода. Я подцепила ржавую решетку, и та неожиданно легко поддалась под пальцами. Нда, похоже, я погорячилась, хвастаясь своим знанием местных реалий. А киллер оказался не так глуп – он вовсе не спасался бегством, как заяц через поля. Этот тип заранее приготовил себе путь отхода и целенаправленно двигался к нему.

Второй охранник, тот, что без проводка в ухе, подошел и наклонился над ямой, откуда слышался далекий плеск воды и где царила непроглядная тьма. Ладно, дружок, похоже, ты не боишься словить пулю оттуда, из темноты. Он достал телефон, включил фонарик и посветил вниз. Присвистнул и сказал:

– Все. Упустили. Ушел, сволочь.

– Конечно, ушел! – невесело усмехнулась я. Обидно было до слез. – Улитка – и та сработала бы быстрее. Чему вас только учат в вашем агентстве...

В этот момент они переглянулись, синхронно шагнули ко мне и продемонстрировали, что кое-какая выучка у них все же есть. Они заломили мне руки – от неожиданности я даже не стала сопротивляться – и уложили лицом в асфальт.

Глава 1

Нежаркое сентябрьское солнце ласково пригревало, просвечивало сквозь золотую листву, играло ослепительными бликами на воде залива, в который входила яхта. Кораблик был так себе – не больше пятнадцати метров в длину. От белизны его паруса и обшивки резало глаза. На боку золотыми буквами было выведено название: «Счастливчик».

Две сногшибательные красотки, свысока смотревшие на меня с борта яхты, ничуть не напоминали плачущих, дрожащих девочек, которых всего три дня назад я впервые в жизни увидела на ступенях ЗАГСа. Тем не менее это были именно они – Тина и Лиза Горенштейн. Темные очки скрывали припухшие от слез глаза – вот все, что напоминало о случившемся. Стоящий между близнецами мужчина, одетый в белоснежные брюки, тельняшку и мягкие туфли для яхтинга, обнимал девушек за плечи. Это был Аркадий Горенштейн, опекун и дядя близняшек. И этот человек сегодня утром предложил мне работу.

В моем любимом фильме «Крестный отец» есть замечательная фраза, которая повторяется, если мне не изменят память, в каждой из трех частей фильма: «И они сделали ему предложение, от которого нельзя отказаться». Именно такое я получила от господина Горенштейна.

Наш разговор был коротким.

– Евгения Максимовна Охотникова? – вежливо уточнил приятный баритон в трубке.

– Слушаю вас. – Я уже узнала собеседника, но давала ему возможность сделать ход первым.

– Аркадий Горенштейн, доброе утро. Хочу еще раз принести вам свои искренние извинения за непрофессиональные действия сотрудников охранного агентства.

Я невольно усмехнулась:

– Все в порядке. Не вы же проводили им инструктаж.

Но собеседник не остановился в попытках загладить ущерб:

– Но именно я обратился в охранный агентствo «Альбатрос», поручил им обеспечить безопасность мероприятия – свадьбы моих дорогих девочек. Никогда себе этого не прощу.

Я промолчала. Да уж. Следовало навести справки и выяснить, кто же в нашем городе самый крутой профи. А теперь что толку казнить? Все равно ничего не исправишь.

Кажется, последнюю фразу я пробормотала вслух, потому что Горенштейн горячо воскликнул:

– Вот именно, нужно постараться все исправить!

Я задумалась. Убитый жених, молодой человек из состоятельной татарской семьи по имени Марат Акчурин, еще два дня назад был похоронен на мусульманском кладбище города. Его брат Дамир, несостоявшийся жених второй близняшки, лежал в больнице – сломал запястье о челюсть охранника. Киллер скрылся в подземном коллекторе, примет его никто не запомнил – кроме пресловутой зеленой бейсболки с «Лепреконом», как и следовало ожидать. Важным гостям тоже досталось – одна дама вывихнула ногу, когда бежала по ступенькам, а солидного бизнесмена увезли в больницу с гипертоническим кризом. Не понимаю, что здесь можно было исправить.

– Речь идет о безопасности моих племянниц, – продолжал горячиться Аркадий Станиславович. – Ради этого я ничего не пожалею. Скажите, вы сейчас свободны? Согласны взяться за охрану Лизоньки и Валентины?

Мое молчание Горенштейн принял за колебания и пустил в ход тяжелую артиллерию:

– Гонорар за услуги на ваше усмотрение. Я уже говорил, что ничего не пожалею, лишь бы мои дорогие девочки были в безопасности.

Это и было предложение, от которого нельзя отказаться. Конечно, я могла сказать гордое «нет», но не видела в этом смысла. Мне предлагают работу, так зачем отказываться? На

дворе мировой экономический кризис, с экрана телевизора, который смотрит моя тетя, нам не устают об этом повторять. Но я лукавила. Меня привлекала даже не сумма с приятным количеством нулей – хотя и это тоже важно. Мне было просто любопытно. Больше всего мне хотелось поближе познакомиться с семьей Горенштейн. Об этой семейке – точнее будет сказать, промышленном клане – в городе ходили разные слухи. Дескать, стартовый капитал братья получили не слишком законным путем, еще будучи комсомольскими функционерами. В их деловые тайны не удалось сунуть нос еще никому, а кто пытался – дышит через трубочки. Ни одна акция их предприятий не ушла за пределы семьи, все активы распределены между своими. Семейно-промышленный комплекс Горенштейнов процветал, и никакие кризисы ему были не страшны.

Я знала, что миллионер с семейством проживает в собственном поместье. Семирадово – так называлось до Октябрьского переворота столетней давности имение графа Шувалова, ныне выкупленное бывшим комсомольским функционером. Наведя справки, я выяснила, что на территорию поместья не ступала нога ни одного дизайнера, архитектора или специалиста по ландшафтам местного разлива. Всю работу по поддержанию благополучной жизни в поместье выполняли люди, специально вывезенные ради этого из столицы. Врач, садовники, повар, горничные сменялись каждые полгода, Аркадий Горенштейн не скупился, наемные работники уезжали довольными, но никто не возвращался назад. Через шесть месяцев в поместье появилась новая смена. Подбором персонала для миллионера занималось специальное агентство. Естественно, все это не могло не породить самых диких слухов.

С одной стороны, вполне понятная прихоть состоятельного человека, помешанного на приватности. С другой – к чему все эти тайны в стиле графа Монте-Кристо? Неужели Горенштейнам действительно есть что скрывать?

Ничего удивительного, что меня разбирало любопытство. Вообще-то я не имею привычки соваться в чужие дела, терпеть не могу пересуды, сплетни. Я даже так называемую светскую хронику в тетиных журналах пропускаю, не читая. Но тут и меня зацепило.

Вот поэтому я приняла предложение Аркадия Станиславовича. Но не только. В тот момент, когда я вмешалась, когда не позволила киллеру выстрелить снова, а потом еще и пустилась в погоню, – в тот момент между мной и сестрами Горенштейн протянулась нитка, которой, думаю, мойры ткут человеческие судьбы. Аркадий Горенштейн был убежден, что киллер целился в одну из его дорогих девочек и попросту промахнулся. А значит, я спасла жизнь Лизе или Валентине. А человек, которому ты сохранил жизнь, тебе уже не чужой. И ты начинаешь чувствовать за него ответственность, даже помимо воли. Получается, я в ответе за этих девочек, рыжих близняшек. Но сначала мне предстоит с ними познакомиться.

Белоснежная яхта вошла в залив и причалила к пирсу. Я поднялась с нагретых солнцем досок и подхватила сумку с одеждой и необходимым снаряжением. Обычно я предпочитаю передвигаться на собственном автомобиле – стареньком верном «Фольксвагене». Но господин Горенштейн особо упомянул, что на территорию его поместья посторонний транспорт не допускается, и исключений не будет сделано ни для кого. Что ж, я привыкла к тому, что у богатых свои причуды. Поэтому за мной и приплыла белоснежная красавица-яхта. Правда, я не ожидала, что Аркадий Станиславович прибудет лично, да еще возьмет с собой племянниц. Впрочем, на борту судна им вряд ли угрожает опасность.

Симпатичный белокурый матрос скинул мне трап, и по сияющим металлическим ступенькам я поднялась на борт «Счастливого».

– Познакомьтесь, девочки, – произнес Аркадий Станиславович, – это Евгения Охотникова, ваш телохранитель. Она лучшая в своем деле, так что слушайте ее, и все будет хорошо.

Сестры переглянулись. Поскольку глаза их были скрыты непроницаемыми стеклами очков, я не могла понять, о чем думают близнецы. Но все же утверждение их дяди о том, что все будет хорошо, показалось мне чересчур оптимистическим. Конечно, я сделаю все воз-

можное (и невозможное, кстати, тоже), чтобы обеспечить безопасность сестер... но как можно говорить «все будет хорошо» девушкам, одна из которых потеряла жениха, убитого прямо на глазах, а другая перенесла сильный стресс?

Но, видимо, сестры хорошо изучили характер дяди. Наверное, для Аркадия такая фраза была нормальной, потому что девушки синхронно сморщили точеные носики и уставились на меня.

– Мои дорогие племянницы Лиза и Тина. – Аркадий приобнял девушек за плечи. Очевидно, миллионер принадлежал к тому типу людей, которые не могут долго концентрироваться на чем-то одном. Внимание Горенштейна привлек маневр, который совершал, выводя яхту на открытую воду, стоящий у руля юноша. Миллионер махнул рукой и весело крикнул:

– Алекс, ты нас угробишь! Пусти-ка меня за штурвал!

Отодвинув плечом рулевого, Аркадий Станиславович принялся умело управлять яхтой. Было видно, что на борту он не просто пассажир, как частенько бывает со многими владельцами – деньги, чтобы купить судно, у них есть, а времени и желания учиться нет. Но Горенштейн явно был опытным капитаном. В стильной тельняшке и белых парусиновых брюках, с развевающимися по ветру волосами – миллионер выглядел эффектно.

Но Лиза и Тина не разделяли увлечений дяди, им были одинаково скучны и белый парус, и свежий, пахнувший речной водой ветер, и яркое не по-осеннему солнце. Девушки вежливо кивнули мне и спустились в каюту. Решив, что моя работа начинается с того момента, как я поднялась на борт, я последовала за сестрами. Но оказалось, что девушки вовсе не горят желанием меня видеть. Рядом с просторным салоном у девочек была своя каюта – комфортабельная, но небольшая. Одна из близняшек – кажется, это была Лиза – вежливо сообщила, что у них болит голова. Так и сказала: «У нас головная боль». Как будто голова у них была одна на двоих. Я не стала настаивать – у нас еще будет время познакомиться поближе. В конце концов, на борту яхты девушки в безопасности. Поэтому я вернулась на палубу.

Аркадий Станиславович уже утратил интерес к судоходству, вернул руль белокурому Алексу и теперь сидел в шезлонге, потягивая лимонад. Горенштейн указал мне на второе полотняное кресло. Пришлось сесть.

– Как вам мои девочки? – спросил миллионер таким тоном, как будто лично родил на свет обеих.

– Для девушек, перенесших такое потрясение, выглядят поразительно уравновешенными, – честно ответила я.

– Да, на долю бедных близнецов выпало много испытаний, – горько произнес Аркадий. – Вы ведь знаете, что произошло в нашей семье шесть лет назад?

Разумеется, я знала. В Тарасове не было ни единого человека, который бы не был в курсе страшной трагедии, случившейся в этой семье.

Шесть лет назад главой клана Горенштейн был вовсе не Аркадий Станиславович, а его старший брат Борис. Неизвестно, кому перешел дорогу удачливый бизнесмен, но, видимо, кто-то пожелал ему смерти. Вероятно, причина для ненависти была основательная, потому что враг Горенштейна не стал нанимать киллера, убивающего одной пулей из снайперки с расстояния в километр. Нет, все было куда страшнее. Автомобиль, в котором ехали бизнесмен с женой Татьяной и двумя дочерьми-близнецами, взлетел на воздух. Борис и его супруга погибли на месте. Девочки уцелели каким-то чудом – видимо, они были не пристегнуты, и взрывной волной их выбросило в окно.

Двенадцатилетние близнецы остались сиротами. С того страшного дня заботу о девочках взял на себя их дядя.

– Очень сочувствую бедным девушкам, – вполне искренне сказала я.

– Мы с Анной постарались сделать все возможное, чтобы загладить последствия трагедии. Не знаю, насколько нам это удалось, – вдохнул Аркадий Станиславович. – Анна – это моя супруга. Еще с нами проживает мой взрослый сын Вадим. Он почти ровесник моим девочкам.

Мне показалось, или, когда миллионер заговорил о собственном сыне, его голос звучал прохладно – ничего похожего на то обожание, которое слышалось всякий раз, когда речь заходила о близняшках.

Я уже заметила, что Аркадий Горенштейн не умел долго задерживать внимание на чем-то одном. Вот только что он грустил, вспоминая о трагедии, унесшей жизнь его брата и невестки. Миг – и мужчина уже отвлекся, с видом собственника принялся указывать мне на красоты местной природы.

– Смотрите, вон уже видно Семирадово, – пояснял миллионер. – Там у нас березовая роща, а это ферма. Мы не покупаем продукты, все выращивается в собственном хозяйстве. Это теплицы – видите, блестят на солнце? Зимой там даже персики растут. Это коровник, только швейцарские и европейские породы. А там, за деревьями, пасека. Любите мед, Евгения?

Похоже, миллионер принадлежал к числу увлекающихся натур. Он с одинаковым жаром рассказывал о своих коровах и лошадях, перге и пчелином подморе (понятия не имею, что это такое, и знать не хочу). Я вежливо слушала, кивала с заинтересованным видом и в нужных местах восклицала: «Да что вы? Неужели! Как интересно!» В моем весьма специфическом учебном заведении нас специально обучали слушать самого нудного собеседника без малейших признаков неудовольствия. Аркадий Горенштейн не был занудой – просто слишком увлекающимся человеком. Пожалуй, он был даже очень мил. Но мне было совершенно незачем знать, какой приплод дают его коровы. Куда больше меня интересовало то, что имело отношение к близнецам. Пару раз я попыталась перевести разговор на сестер, спросила, где учились девочки. Но Горенштейн беседы не поддержал. Вместо этого он шутиливо спросил:

– Ну-ка, Евгения, скажите мне, что говорят о нас в городе?

Я непонимающе уставилась на Аркадия, и тот пояснил:

– О нашей семье ходят самые невероятные слухи.

– О да! – усмехнулась я.

– Так просветите меня.

Ладно, сам напросился. Я приятно улыбнулась и сообщила:

– Чаще всего говорят, что вы используете рабский труд в своем поместье. Будто бы все эти люди, что работают в Семирадове, живут в бараках, и на ночь вы приковываете их цепями.

Горенштейн искренне, как ребенок, расхохотался:

– Боже, какой бред. Евгения, но ведь вы не верите во всю эту чушь? Есть куда более простые способы. Например, деньги. Все, кто работает на меня, – тут Горенштейн сделал кивок в мою сторону, что, очевидно, означало «Включая и вас, моя дорогая», – получают приблизительно в полтора-два раза больше, чем платят за ту же работу другие. Разница в деньгах не столь ощутима для меня, зато люди очень благодарны. Возможность получать больше, работая столько же, необычайно привлекательна для наших соотечественников.

Ага, называется «халява». А то, что за не такую уж большую прибавку человек старается не за страх, а за совесть и выкладывается на все сто, как-то не учитывается.

– Так-так, – Горенштейн заинтересованно склонился ко мне и побарабанил пальцами по колену, – какие еще слухи доходили до ваших ушей?

– Что вы прячете в поместье сумасшедшего престарелого отца.

– Кого?! – изумился миллионер.

– Отца. Дескать, вы получили громадное наследство, а папашу держите под замком, чтобы не путался под ногами.

– Какими, однако же, злыми бывают люди, – помрачнел мужчина. – Наш дорогой отец покойся на кладбище под мраморной плитой. Я заказал ее в Карраре. Отец всю жизнь мечтал

поехать в Италию, но так и не успел. Папа был инженером на заводе сельхозтехники. Разумеется, никакого наследства он нам не оставил.

Я обратила внимание, что Горенштейн все время говорил «мы», «нам». Очевидно, имел в виду себя и погибшего брата Бориса, отца близняшек.

– А еще я слышала, что у вас гарем из тайландских танцовщиц, и ни одна из них не старше восемнадцати, – решила я напоследок повеселить миллионера, но тот уже утратил интерес к теме.

– А вот и моя супруга, – как-то невесело проговорил Аркадий, указывая на женщину, которая стояла на белом причале, оборудованном специально для яхты.

Близнецы поднялись на палубу, только когда наш кораблик пришвартовался. Расторопный матрос выдвинул трап, и мы сошли на берег.

– Алекс, проследи, чтобы яхта была готова к завтрашнему дню, – обернувшись на сходнях, крикнул миллионер. – Я собираюсь пройти до Зеленой косы и обратно, пока погода позволяет.

– Хорошо, Аркадий Станиславович, – покорно ответил белокурый помощник.

Анна Горенштейн встретила нас неприязненным взглядом холодных голубых глаз, а девочкам достались еще и упреки:

– Лиза, Валентина, вы одеты совершенно не по сезону. Уже осень, на воде прохладно. Совершенно не собираюсь заниматься вашим лечением, раз вы сами не следите за здоровьем. Вы уже взрослые девушки.

Близнецы мрачно молчали.

– Лиза, как тебе не стыдно? – не отставала женщина. – Я еще понимаю, Тина, но ты – разумная девочка, и вдруг такое легкомыслие!

Девушки никак не показали, что слова мачехи обращены к ним. Повернулись и направились к дому, стройные, красивые и равнодушные.

Значит, бедным сироткам досталась классическая мачеха – как из страшной сказки. Интересно, что означает фраза Анны Горенштейн? Она сказала, что Лиза – разумная девочка. А Тина, получается, не слишком?

– Не сердись, дорогая, – пробормотал Аркадий, целуя жену в щечку. – Девочки внезапно захотели прокатиться со мной, встретить Евгению. Познакомься, Евгения Охотникова, самый лучший телохранитель в нашем городе.

Анна скользнула по мне незаинтересованным взглядом, едва заметно кивнула и напустилась с упреками теперь уже на мужа. Речь шла о каком-то обещании, данном их сыну Вадиму. Горенштейн покорно слушал. Надо же, да он, оказывается, подкаблучник! Интересно, почему такой обаятельный мужчина, как Аркадий Станиславович, женился на такой удивительно некрасивой женщине? Костлявую фигуру без малейших признаков талии, не мог скрыть дорогой кашемир, грубые черты лица – скорректировать тщательно уложенная прическа. Темные волосы, маленькие глазки, тонкие губы, которые постоянно кривятся в недовольной гримасе... нет, эту даму не назовешь обаятельной. К тому же она старше Аркадия – рядом с ней светловолосый мужчина в белых брюках, по-юношески стройный казался ее сыном, но никак не мужем. Впрочем, семейные проблемы супругов Горенштейн меня не касались, поэтому я дождалась паузы в разговоре – ждать пришлось долго – и вежливо спросила:

– Могу я приступить к своим обязанностям?

Кажется, миллионер обрадовался, что представился случай ускользнуть от зануды-супруги.

– Пойдемте, Евгения, я сам покажу вам наши владения.

Глава 2

Так началась моя жизнь в поместье. Семирадово оказалось не просто усадьбой, а целым имением, в котором имелись собственные пруды, где водились карпы, ферма, поля, на которых росли гречиха и клевер, тепличное хозяйство, березовая роща с беседкой, даже лес имелся на территории. Причем все это не производило впечатления, будто находишься в колхозе «Светлый путь». Хозяйственные службы и постройки были ухожены, по-европейски нарядны и чисты и скрыты от глаз тщательно продуманными зелеными насаждениями. Думаю, не обошлось без ландшафтного дизайнера и парочки архитекторов, выписанных из столицы.

Семейство проживало в большом трехэтажном доме из камня, дерева и стекла. Никаких псевдорусских штучек – резьбы или конька на крыше. Казалось, дом перенесли сюда по воздуху, скажем, из Норвегии. Хотя нет, в Скандинавии принято экономить и место, и материалы. А дом Горенштейнов поражал размерами.

Чтобы содержать в порядке эту махину со всеми ее музыкальными гостиными и бильярдными, имелся штат вышколенного персонала. Слухи и сплетни оказались верны – все эти люди были приезжими, их наняло специальное агентство сроком ровно на шесть месяцев, после чего их должны были заменить другими. Выглядели они так, будто были не гастарбайтерами, а артистами, которые снимаются в кино про жизнь «новых русских». Ухоженные, причесанные, аккуратно и стильно одетые. Горничные все похожи, как родные сестры, чистильщик бассейнов словно сошел со страниц порножурнала, а повара хотелось поместить на упаковку, скажем, макарон, настолько он был мил в своем белоснежном колпаке, с неизменной улыбкой и пухлыми розовыми щеками.

Близнецам принадлежал целый этаж громадного дома – второй. Там у бедных сироток было все, что только можно пожелать. Солярий, тренажерный зал, студия танца с зеркалами во всю стену. Даже мини-зоопарк, в котором скучали черепашки и белки, оставшиеся, видимо, с тех времен, когда сестры были детьми.

Мне отвели комнату на этаже девочек. Мое присутствие не вызвало у девушек восторга, однако близнецы даже не пытались протестовать. Несмотря на то что девушки месяца два назад отметили совершеннолетие и даже собирались замуж, Тина и Лиза производили впечатление подростков. Видимо, потому, что большую часть жизни сестры Горенштейн прожили взаперти.

Я знала, что до трагедии, случившейся шесть лет назад, девочки жили в школе-пансионе в Швейцарии. Собственно, в момент взрыва их не должно было быть дома, еще накануне планировался отъезд в школу. Но Тина раскапризничалась, девочке захотелось продлить каникулы еще на несколько дней – Борис Горенштейн и его супруга собирались на тропический остров. На свою беду, Борис Станиславович решил побаловать дочек и согласился отсрочить их отъезд. Вот так и получилось, что девочки сели в машину к родителям в тот страшный день.

Примерно полгода после взрыва сестры провели в больнице. Физически они почти не пострадали, но потрясение от гибели родителей у них на глазах было таким сильным, что понадобилось медикаментозное лечение и наблюдение врача. Мне сказали, что Тина до сих пор принимает антидепрессанты, так что не стоит удивляться странностям девушки. Лиза справилась со своим горем куда успешнее, и ей лечение не требовалось.

Вернувшись в Семирадово, близнецы больше не покидали поместья. Учителя у них были свои, Аркадий Горенштейн был готов для любимых племянниц притащить в Семирадово хоть профессоров МГУ. Но девочки не проявляли интереса к учебе, к тому же психиатр посоветовал не утруждать их науками. Девочкам ведь не нужно было зарабатывать на пропитание, а замуж можно выйти и без корочек о высшем образовании.

Лет в четырнадцать Лиза изъявила желание вернуться в прежний пансион, но в ночь перед отъездом сестры в Швейцарию у Тины случился нервный срыв, и с тех пор сестры больше не разлучались.

Даже день свадьбы они выбрали общий, и женихами стали братья Акчурины, наследники местного газового князя. Свадьба была прервана трагической гибелью Марата, жениха Лизы. Девушка вовсе не казалась убитой горем – скорее оцепеневшей. Что ж, у людей разные способности реагировать на такие события. Кто-то рыдает, кто-то пытается покончить с собой, кто-то начинает пить. Но Лиза Горенштейн была крепче, чем казалось на первый взгляд. К тому же после трагедии, пережитой в детстве, вряд ли что-то в этом мире могло напугать девушку.

Странно, но Валентина Горенштейн, кажется, даже рада тому, что свадьба не состоится.

Спустя несколько дней, пообщавшись с близнецами, я уже не могла понять, как это люди могут их путать. Несмотря на почти полную внешнюю идентичность, сестры были совершенно разными. Лиза – спокойная, уравновешенная, умеющая контролировать эмоции и доброжелательная, насколько это вообще возможно для наследницы миллионов. Тина – резкая, капризная, вспыльчивая, идущая по жизни под девизом «наплевать-мне-на-тебя». Даже по выражению лица внимательный наблюдатель мог различить близнецов – на лице Лизы нормальным выражением была вежливая полуулыбка, губы Тины были вечно сложены в недовольную гримасу. Чуть что, девушка срывалась в крик, слезы, истерику. Кроме того, у Валентины была неприятная привычка тиранить обслуживающий персонал. Мне виделось в этом что-то детское. Мелочное и злобное тиранство отравляло жизнь в доме, но слуги не роптали. Вежливый до неприличия персонал напоминал мне японцев, которые делают хакари улыбаясь. За такие-то деньги можно и потерпеть капризы близняшек!

Еще одной странной особенностью было полное отсутствие друзей. У каждого человека, даже самого нелюбимого, есть какие-то социальные связи. Всякие одноклассники, однокурсники, подруги по шопингу и шейпингу, дочери состоятельных людей, с которыми дружат родители или опекуны. Но Тина и Лиза были вдвоем против всего мира.

Объяснялось это полной изоляцией сестер. Не знаю, насколько правильным было решение родных спрятать девочек, укрыть их от раздражителей и опасностей внешнего мира в уютном мирке Семирадово. Но последствия, к которым это привело, оказались пугающими.

Благими намерениями, как обычно, оказалась вымощена дорога в маленький домашний ад. Родные хотели всеми силами загладить последствия трагедии, но в результате избаловали сироток до невозможности. Казалось, девочки не знают значения слова «нет», а от желания до его осуществления проходит ровно пять секунд. Любое препятствие к получению желаемого вызывало немедленный взрыв и вспышку агрессии. Особенно отличалась этим Валентина. По моему, подобные патологические черты характера находились уже в компетенции психиатра. На месте родственников уж психологу бы я девочку точно показала. Но, честно говоря, мне это не касается. Мое дело – охрана.

Хотя как раз с охраной дело обстояло не слишком радужно. Сестры почти не покидали пределов поместья. Никогда не выезжали в город ни на шопинг, ни в тренажерный зал, ни к маникюрше, ни даже просто кофейку с пирожными попить и посплетничать в кафешке с подружками. Никто чужой не мог бы пробраться на территорию поместья. Зачем господину Горенштейну понадобились мои дорогостоящие услуги? От кого я охраняю – точнее, делаю вид, что охраняю Тину и Лизу? Вообще-то я не привыкла получать деньги ни за что.

Нервозная обстановка возникала в доме по вине его хозяйки, леди Анны. Женщина появлялась то в одном, то в другом уголке поместья, и немедленно там вспыхивали скандалы. Анна вникала во все – заботы горничных, работу кухни и прачечной, разведение пчел. Мне показалось, что при виде хозяйки умные насекомые торопливо забирались в ульи, предоставляя пасечнику принимать на себя удар ее недовольства.

Аркадий Станиславович принимал упреки супруги – как заслуженные, так и вовсе безосновательные – с философским спокойствием. «Да, дорогая», «Извини, милая» – вот что слышала Анна в ответ. Разумеется, это не могло успокоить разъяренную, раздувающую ноздри фурию, и скандал выходил на следующий уровень.

Доставалось и близнецам, хотя с ними Анна не позволяла себе переступать границ приличия. Мне показалось, что женщина побаивается взглядов одинаковых зеленых глаз своих воспитанниц.

Была всего лишь одна тема, которая заставляла Анну окончательно утратить контроль над собой. Это были отношения ее единственного сына, Вадима, и его двоюродных сестер. Вадима Горенштейна я увидела в первый же день за обедом. Это был пухлый белобрысый молодой человек, поразительно не похожий ни на своего обаятельного отца, ни на некрасивую мать. Я вглядывалась в сметанно-белое пухлощекое лицо юноши и тщетно пыталась найти сходство с топорно-грубыми чертами Анны или изящным профилем Аркадия. Молодой человек меланхолично жевал, иногда скользя по лицам родственников незаинтересованным взглядом зеленовато-серых глаз. Может быть, мальчик приемыш? Это бы многое объясняло – и равнодушное отношение к нему Аркадия, и гипертрофированную любовь Анны. И в особенности откровенную нелюбовь сестер.

Близнецы терпеть не могли своего вялого кузена и не упускали случая это продемонстрировать. Видимо, эта вражда зародилась еще в детстве и, несмотря на то, что все ее участники стали взрослыми, сохранилась во всей первоизданной свежести. Лиза и в особенности Тина постоянно подшучивали над кузенком, который не отличался быстротой мысли и не мог найти достойного ответа на выпады двоюродных сестер.

Начать с того, что близнецы называли брата исключительно Гадиком. Детское прозвище по отношению к солидному детине звучало удивительно обидно. Аркадий только посмеивался, а вот Анну это приводило в ярость. Не далее как этим утром за завтраком разразился скандал. Я мирно ела овсянку на кухне, и через приоткрытую дверь до меня доносились вопли хозяйки дома:

– Девочки, неужели вы не понимаете, насколько это оскорбительно? Кажется, я много раз просила вас не называть моего сына этим отвратительным прозвищем!

Сновавшие по кухне официантки и повар делали нарочито незаинтересованные лица, но я видела, что у всех ушки на макушке.

Послышался миролюбивый голос Аркадия:

– Дорогая, успокойся. Это же просто детские шалости!

– Они уже не дети! – взвилась Анна. – Когда ты перестанешь относиться к ним как к маленьким девочкам?!

Послышался звон разбитой посуды. Я отставила тарелку и выглянула в столовую. В мои задачи входит охрана объектов от любых неприятностей – в том числе и от тех, что грозят девушкам со стороны ближайших родственников.

Но никто не пытался причинить вред близнецам. Просто Тина шваркнула тарелкой об пол, выражая свое неудовольствие. Девушка вскочила, скомкала салфетку и пулей вылетела из столовой. На всякий случай я отправилась за беглянкой. Тина вполне предсказуемо скрылась в своей комнате на втором этаже. Дважды со скрежетом повернулся ключ в двери, и из комнаты ударила по барабанным перепонкам музыка – «Нирвана». У Тины была неприятная привычка на полную мощность включать музыку, так что когда у девушки было плохое настроение – что случалось ежедневно – об этом знали все в доме.

Я уже успела изучить привычки сестер и знала, что будет дальше. Приблизительно через пятнадцать минут Лиза Горенштейн постучится в дверь комнаты сестры. Тина будет дуться, но потом все-таки впустит свою вторую половинку. Лиза была единственным, кто умел успо-

коить сестру. Они будут сидеть на полу, обнявшись, грызть шоколад. Лиза будет что-то тихо говорить. Потом музыка стихнет, и все в доме вздохнут с облегчением.

От всех этих мыслей и нервной обстановки, царящей в доме, на третьи сутки у меня развилась бессонница. Некоторое время я лежала в своей комнате, прислушиваясь к звукам затихающего дома. Персонал никогда не оставался на ночь в хозяйском доме, для них были выстроены комфортабельные коттеджи почти на границе поместья, откуда каждое утро их привозил на работу маленький автобус-«Фольксваген». Так что по ночам никого из посторонних в доме не было. Время приближалось к полуночи. Через открытые окна с противомоскитной сеткой звуки доносились отчетливо.

Я слышала, как на первом этаже хлопнуло окно в комнате Аркадия, как Анна нежно пожелала сыну спокойной ночи. Близнецы давно скрылись в своих апартаментах. Девушки ложились рано – видимо, просторы Интернета не влекли их так, как обычных тинейджеров, ведь друзей у сестер Горенштейн не было.

В этот момент я услышала отдаленные звуки выстрелов. Меня просто выбросило из кровати, настолько реалистичными были звуки. Почти сразу же я поняла, что они не имеют отношения к реальности. Скорее всего, кто-то смотрел фильм. Я и сама люблю полуночничать за голливудской комедией, артхаусным фильмом или крепко сколоченным боевичком. Разумеется, когда я не на работе. Вот только я понятия не имею, кто это в такой час смотрит кино. Все обитатели дома отправились на покой, а чужих в доме нет.

Отлично! Вот прекрасный повод скоротать бессонную ночь. Я встала, оделась, прихватила фонарь, тихо спустилась по лестнице и вышла в сад.

Не прошло и минуты, как за моей спиной послышалось частое дыхание, и под колено мне ткнулся чей-то холодный мокрый нос. Я опустила руку и погладила косматую башку, по размеру не уступающую медвежьей.

– Привет, Мишка! – тихо произнесла я.

У писателя Артура Конан Дойла есть рассказ о девушке, которую наняли гувернанткой к злобному маленькому ребенку. Так вот, зловещего вида папаша мальчика предупреждал девушку, чтобы ночью она ни в коем случае не покидала пределов дома. Именно такое предупреждение я в первый же день работы получила от Анны.

– Надеюсь, бессонницей вы не страдаете? – неприятно глядя на меня, холодным тоном спросила хозяйка дома. Я в ответ едва заметно качнула головой, недоумевая, какое ей дело до моего здоровья. Анна едва заметно усмехнулась и пояснила: – Просто хочу предупредить кое о чем. Мой легкомысленный муж, кажется, забыл это сделать.

Я наострила уши.

– Дело в том, что наша усадьба охраняется собаками. Каждый вечер в половине двенадцатого псарь выпускает их из вольеров, и они до самого утра свободно бродят по территории.

– Серьезные собаки? – деловито поинтересовалась я.

Анна впервые на моей памяти улыбнулась во весь рот и проговорила:

– С каждой работой специально нанятый кинолог. Тренировал свирепость, понимаете? И добился прекрасного результата. На днях, например, они разорвали косулю.

– Кого, простите? – удивилась я.

– Косулю. Такой маленький олень, водятся в наших местах. Экология здесь исключительно хорошая, не то что в окрестностях Тарасова. У нас водятся лисы, зайцы, утки на озере, из леса приходят косули.

Я представила картину, внутренне содрогнулась и подумала, что Аркадий Станиславович вообще-то мог бы меня и предупредить. А вдруг бы мне вздумалось погулять ночью по окрестностям? Не то чтобы я боялась собак, даже самых что ни на есть тренированных... Но лучше заранее знать, с чем предстоит столкнуться.

– Спасибо, я буду иметь в виду, – поблагодарила я хозяйку и той же ночью отправилась налаживать отношения.

В моей жизни случалось всякое, но пару лет назад произошел совсем уж удивительный случай. Мне довелось работать на одного местного мецената, так вот, у него в поместье жила самая настоящая волчья стая. Причем не где-то в вольере, за решеткой, а на вольной воле. Группа биологов изучала хищников, живущих почти в дикой природе. И был среди них – не хищников, а биологов, разумеется, – один доктор биологических наук, загорелый двухметровый красавец... Впрочем, это уже совсем другая история. Главное, что этот человек настолько изучил волков, что сам сделался членом стаи. Свободно входил к ним, несколько дней бегал с волками, а потом возвращался к цивилизации, продолжал писать свою научную работу.

Однажды он ввел меня в стаю. Это был невероятный опыт, до сих пор помню, как стучало мое сердце, когда альфа-самец прикусил мне загривок, изучая. Но в стаю меня приняли, и с тех пор все собаки – от волкодава до последней болонки – считают меня своей.

Так что я без страха вышла ночью в сад, погасила фонарь и стала ждать. Очень скоро вокруг меня собрались все четвероногие охранники. Когда мои глаза привыкли к темноте, я сумела разглядеть, что здесь были самые разные породы. Вожаком у них был алабай (утром я узнала, что его имя Мишка). Некоторое время мы изучали друг друга (разумеется, я не смотрела им в глаза и не улыбалась, чтобы не провоцировать агрессию). Вожак подошел и обнюхал мои колени. Потом Мишка тихо сказал: «Вуф!», после чего стая растворилась в темноте. С тех пор я могла свободно перемещаться по территории поместья. Днем собаки содержались в вольерах, довольно далеко от дома, приглядывал за ними хромой мужик с обожженным лицом, одетый в ношенный камуфляж. Этот тип однажды утром единственный из всего персонала попался на глаза нетрезвым. Анна поджала губы и прошла мимо, делая вид, что не видела, хотя полчаса спустя на моих глазах до слез довела горничную за измятый уголок передника.

– Мишка, у тебя тоже бессонница? – прошептала я, трепля короткие скрученные уши алабая. Громадный пес шумно вздохнул, подождал, пока я закончу сеанс поглаживания, после чего совершенно бесшумно скрылся в темноте, неслышно ступая мощными лапами.

Я продолжила незапланированное ночное путешествие и напрямик направилась туда, откуда все еще доносились выстрелы и вопли киношных злодеев. Источник звуков, нарушивших тишину сентябрьской теплой ночи, находился в домике у бассейна.

Это стеклянное строение с тонированными, как у автомобиля, стеклами я видела и раньше, но и подумать не могла, что здесь кто-то живет. Между тем из распахнутой двери на плиты ложился прямоугольник желтого света и слышалась музыка, смутно знакомая.

Я подумала, что, раз уже человек не закрыл входную дверь, значит, он не возражает, чтобы в нее кто-нибудь вошел. В крайнем случае извинюсь за свое вторжение.

Я шагнула раз, другой – и оказалась на пороге маленькой гостиной. В центре комнаты стоял диван, обитый желтым шелком, а напротив – видеомагнитофон, предмет, которого я не видела уже лет десять. На экране громадного телевизора мелькали кадры какого-то фильма. Может быть, я не способна отгадать мелодию с трех нот, но поскольку я злостный киноман со стажем, то вполне могу по нескольким кадрам определить мало-мальски известный фильм. Это был «Ворон» – культовый фильм с Брэндонем Ли в главной роли. На экране как раз разворачивалась та самая сцена, во время которой погиб молодой актер – герою стреляют в живот, он отлетает назад, отброшенный силой выстрела... Я знала, что на экране не момент смерти Брэндона стреляли холостыми, но в одном из пистолетов оказалась заглушка, сыгравшая роль роковой пули. Пленку, запечатлевшую трагический момент, сожгли. Сцену пересняли с дублером. Но впечатление все равно было жутковатое. Особенно потому, что человек, сидевший на диване перед экраном, прямо-таки захлебывался рыданиями.

Он так отчаянно плакал, что я решилась вмешаться:

– Простите, с вами все в порядке?

Щелкнул пульт, звуки выстрелов стихли. Человек на диване повернулся ко мне. Лицо его было залито слезами и покрыто разводами поползшей косметики. Тушь, помада, румяна персикового оттенка превратили немолодое морщинистое лицо в трагикомическую маску. При этом мой собрат-киноман определенно был мужчиной. Черные брюки со строгими стрелками, сверкающие ботинки, белая рубашка, на груди какой-то пестрый бант. Я попятилась.

– Из-звините...

Человек извлек из кармана белоснежный носовой платок, аккуратно и как-то очень профессионально утер лицо (в голове у меня мелькнуло, что он, должно быть, актер, привыкший иметь дело с гримом) и радушно произнес:

– Входите, Евгения!

– Мы знакомы? – удивилась я. Могу поклясться, что вижу этого типа впервые!

– Пока еще нет, – ухмыльнулся маленький человек, – но с нетерпением предвкушаю знакомство с такой интересной девушкой.

Тут я заметила, что тип в белой рубашке явно навеселе. На столе у дивана стояли бутылка джина, опустевшая на четверть, и непочатая бутылка какого-то тоника – кажется, «Швепс». Да мужчина просто пьян!

Незнакомец неверно истолковал мой взгляд в сторону бутылок и жестом радушного хозяина пригласил:

– Присоединяйтесь, Евгения!

Я решила, что, раз уж я здесь, было бы глупо не использовать этот шанс для изучения обстановки.

Человек придвинул мне стакан и азартно схватился за бутылку с джином.

– Благодарю, только тоник, пожалуйста, – я накрыла стакан ладонью. Мужчина разочарованно скривился и наполнил мой стакан «Швепсом», а свой – неразбавленным джином.

– Прозит! – воскликнул незнакомец с большим воодушевлением и залпом опрокинул свой стакан. Ох, и зачем меня понесло в ночь на поиски приключений! Лежала бы тихо-мирно в своей кровати, завтра – тяжелый день. А теперь придется общаться с этим пьяницей. То, что этот человек принадлежит к категории тихих алкоголиков, было видно по его трясущимся рукам, по жадности, с которой он перелил в себя обжигающую жидкость, даже не поморщившись, по сеточке кровеносных сосудов на ухоженных щеках. Алкоголики мне неинтересны. Я уже раздумывала, как под благовидным предлогом ускользнуть, как незнакомец заговорил. Изрядная доза джина не оставила на нем следов – голос был трезвым, взгляд ясным, внимательным и хитрым:

– Рад видеть вас, Евгения.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я много слышал о вас от своих племянниц. В последние дни они только о вас и говорят. Вы заинтриговали девочек, произвели на них впечатление. А их трудно удивить.

– Так вы... вы дядя Тины и Лизы? – Я не смогла скрыть удивления.

– Позвольте представиться – Павел Станиславович Горенштейн, – шутливо поклонился мужчина, прижав руку к белоснежной рубашке, слегка измятой на груди. На пальце я заметила перстень с ярко-синим камнем.

Вот так-так! Оказывается, в семействе Горенштейн есть еще один близкий родственник, о котором меня почему-то забыли предупредить! А если бы я встретила этого Павла Станиславовича в спальне девочек и приняла за грабителя?

– Чем вы так поразили моих лисичек? – продолжал любопытствовать маленький мужчина.

– Боюсь, причина в том, что мы встретились при трагических обстоятельствах, – пояснила я. – В день свадьбы близнецов.

– О, не продолжайте! – Маленький мужчина закатил глаза и прижал руку к сердцу, точно тенор, который собирается запеть «Паду ли я стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она». – Не могу слышать об этом ужасном дне! Только представляю, какой кошмар довелось пережить моим малышам, и сердце замирает.

В качестве лекарства Павел набулькал себе еще немножко джина и с озабоченным видом пригубил. После чего обратился на меня увлажненные слезой глаза и заявил:

– Я с самого начала был против этой так называемой свадьбы. Зачем только Аркадий все это затеял!

Маленький сплетник явно был не прочь обсудить «весь этот кошмар» со свежим слушателем. Что ж, я тоже не прочь.

– Надо же, а я думала, что сестры выходят замуж по любви! – изобразила я недоумение. Глаза маленького человечка вспыхнули, как у кота.

– Мой брат – идиот! – без обиняков заявил странный мужчина.

– Это вы про Аркадия? – на всякий случай уточнила я. Может быть, в этом семействе есть еще парочка братьев, о которых я не знаю?

– Разумеется, про него, – всплеснул ручками маленький мужчина. – Он успешный финансист, признаю. В последние годы деньги так и липнут к его рукам.

Мне показалось, или в голосе господина Горенштейна прозвучала зависть?

– И от этого он несколько... скажем так, утратил чувство реальности. Вообразил, что он второй после бога и может вот так, – тут Павел щелкнул пальцами, точно кастаньетами, – устраивать судьбы людей.

– Неужели это был брак по расчету? – удивилась я.

– Мои племянницы – милые девочки, но несколько задержались в развитии, – вздохнул Павел Станиславович.

– Неужели? – Я подняла брови.

– Они совершенно не знают жизни, – пригорюнился маленький мужчина. – Аркаша выстроил для них золотую клетку и думает, что можно всю жизнь держать их в ней. Но даже животным свойственно стремиться к свободе.

– А при чем тут братья Акчурины? – осторожно поинтересовалась я.

– Аркаша счел их наименьшим из зол. – Горенштейн отхлебнул из стакана и поморщился. – Наверное, рассуждал так: «Раз уж девочкам суждено выйти замуж, пусть это будет предсказуемо и безопасно. Пока малышки не влюбились в каких-нибудь гадких лебедей, подыщу-ка я им пристойных и состоятельных женихов».

Павел Станиславович передразнивал брата очень похоже, и я невольно улыбнулась.

– Гадких лебедей?

– Совершенно неподходящих типов, – оскалил мелкие зубки мужчина.

– Значит, братья Акчурины были меньшим из зол? – уточнила я.

– А что, прекрасные кандидаты! – скривился Павел. – Молоды, богаты, вдобавок сыновья партнера по бизнесу. Союз красоты и капитала, как сейчас говорят. Очень выгодная партия.

– Вот только закончилось все трагедией, – медленно проговорила я. – Скажите, насколько я вижу, вы самый близкий человек девочкам...

Павел Станиславович польщенно ухмыльнулся. Всякому приятна лесть, пусть даже такая незамысловатая.

– Кто мог желать зла Валентине и Лизе? Кому понадобилось стрелять в жениха?

Павел подался вперед и впериł в меня взгляд больших, несколько навыкате, глаз:

– Значит, вы тоже думаете, что бедняга тут совершенно ни при чем и погиб случайно? А на самом деле метили в кого-то из моих дорогих девочек?

Вообще-то я так не думала. Человек в зеленой бейсболке, который так ловко ушел от погони, показался мне достаточно... э-э, компетентным. Киллеры, по моему опыту, обычно

убивают именно того, в кого целятся. Иначе грош им цена. Семья Горенштейн – люди непростые. И враги у них должны быть соответствующего калибра. А состоятельный человек не станет связываться с косоруким киллером, он выберет лучшего. Киллеры, конечно, не слишком расхожий товар, в интернет-магазине не купишь. Но кому надо, тот найдет.

Я вполне допускала версию, что целью убийцы в зеленой бейсболке был красавец Марат. Мало ли, чем его папаша не угодил кому-то из конкурентов? Да и сам молодой человек давно уже вел самостоятельные игры на деловом поле и вполне мог перейти дорогу нехорошим дядям. Марат был спортсменом, привык идти напролом и добиваться своего. Правда, сейчас не девяностые, серьезные люди так дела не решают... но кто сказал, что тут замешаны деловые интересы, а не, скажем, отморозки-приезжие, которым Марат тачку подрезал? Реалистичный расклад? Вполне! А то, что молодого спортсмена убили на свадьбе, может объясняться просто. Во-первых, в такой момент человек беззащитен, и безопасность – это то, о чем он думает в последнюю очередь. А во-вторых, убийство получается резонансным, жестоким и чрезвычайно наглядным. Чтоб другим неповадно было...

Но в глубине души я сомневалась в том, что эта версия верна. Все-таки мне казалось, что несчастье связано с семейкой Горенштейн. Слишком много непонятого вокруг девочек-близнецов. Слишком темная тень висит над их рыжими головками. Скорее всего, киллер был нанят для того, чтобы расстроить свадьбу. Древний принцип гласит: «Ищи, кому выгодно». А кому выгодно, чтобы сестры Горенштейн не вышли замуж?

Впрочем, все это меня совершенно не касалось. Не моего ума дело. Меня наняли охранять сестер... хотя, прожив три дня в поместье, я давно сообразила, какова была истинная цель Аркадия Станиславовича. Уточним: меня, самого крутого профи в городе, наняли по единственной причине – для того, чтобы показать кому-то, что Аркадий заботится о племянницах, девочки под надежной защитой. Следующий вопрос: кому предназначается эта демонстрация силы?

Слишком все это сложно. У моих состоятельных клиентов всегда так – истинные намерения замаскированы целым ворохом лжи. И докопаться до правды – словно луковицу развернуть. И противно, и слезы из глаз, и плохо пахнет.

Я мило улыбнулась маленькому мужчине и сказала:

– Так вы не ответили на мой вопрос. Кто мог желать зла близнецам?

Горенштейн сразу же поскущел лицом и допил остатки джина. Потом бросил выразительный взгляд на часы. Тупоумием я не страдаю и намеки понимать обучена, поэтому немедленно встала и проговорила:

– Извините за беспокойство, час поздний, я, пожалуй, пойду.

– Рад знакомству, – фальшиво улыбнулся мужчина, в свою очередь, поднимаясь с дивана и провожая меня до двери. – Надеюсь, мы еще как-нибудь поболтаем с вами, Евгения. Навещайте старика, не стесняйтесь. У меня по ночам бессонница.

– Обязательно как-нибудь загляну, – пообещала я. Кстати, я собиралась сдержать обещание. Информация, которую мне удалось вытянуть из маленького мужчины, была крайне скудной. Думаю, Павел Станиславович – бесценный кладёзь сведений о сестрах. И о тайнах семьи Горенштейн, кстати. Если кто и может развеять туман, организованный Аркадием, так это только его брат.

Маленький мужчина с перстнем на пальце, кажется, уже жалел об излишней откровенности, припадок которой поразил его в беседе с ночной гостьей. Павел поминутно облизывал губы, и глаза его то и дело устремлялись к бутылке с джином, где все еще оставалось порядочно прозрачного содержимого.

Я остановилась на пороге, придержав стеклянную дверь рукой, и спросила:

– Вы что же, круглый год живете в этом домике?

Как оказалось, вопрос был неудачным. Горенштейн поморщился, как будто у него болели зубы, и ответил:

– И летом, и зимой. В доме недостаточно места. Доброй ночи, Евгения.

И он поспешно закрыл за мной дверь своего стеклянного домика.

Я не стала настаивать на продолжении беседы. Ни к чему давить на человека. У меня еще будет время выжать досуха этого странного мужчину.

Интересно получается! Кажется, в своей собственной семье Павел Станиславович нежелательная персона. Не нашлось места в доме, это же надо! Особняк Горенштейнов громадный и полупустой. В нем три этажа. Первый занимает семья Аркадия, там находятся спальня, кабинет, библиотека и еще какие-то комнаты самого хозяина дома, затем покои его супруги, а треть первого этажа занимает их взрослый сын Вадим. Кстати, у него отдельный вход – любящие родители позаботились.

Второй этаж целиком принадлежит близнецам. По-моему, там есть комнаты, куда девочки не заглядывают годами. Но это ничего – целая армия вышколенных слуг поддерживает все в идеальном порядке: проветривает, моет, до блеска драит стекла и натирает паркет, ставит свежие цветы в вазы. Немного напоминает сказку про аленький цветочек, как будто невидимые слуги трудятся день и ночь.

Не так давно я забрела на третий этаж. Оказалась я там не случайно – хотелось выяснить, что скрывают запертые комнаты. Я вылетела оттуда пулей минут через пятнадцать, убедившись в том, что ни единой живой души на третьем этаже нет. Целый этаж, два крыла, огромные комнаты пустовали. Точнее, представляли собой музей, музей покойного Бориса Горенштейна и его супруги, разумеется. Шкафы были заполнены тщательно упакованной одеждой. В спальнях постели застелены свежим бельем. Я постояла в тишине несколько минут, а потом поспешно покинула пустые комнаты. Мне все казалось, что вот-вот зазвучат шаги – тяжелые мужские и легкие женские, скрипнут двери, и в комнату войдет громогласный гигант Борис Горенштейн собственной персоной, в сопровождении красавицы-жены. И спросит, а что это я тут делаю... Больше нога моя не ступала в этот музей-мемориал, который Аркадий устроил для своего покойного брата.

То, что в этом громадном доме не нашлось места для старшего из братьев Горенштейн, означало только одно – Павел был не в чести у своих родственников. Вспомнив, в каком виде предстал передо мной старший из Горенштейнов, я подумала, что для этого есть кое-какие основания. Видимо, Павла Станиславовича терпели, что называется, из милости. Вышвырнуть его из фамильного поместья означало навлечь пересуды на семью. А так манерного дядюшку сослали в домик у бассейна. Должно быть, зимой там чрезвычайно неуютно – холодно и дует. Павел сказал, что девочки часто навещают его. Интересно, за что близнецы любят своего раскрашенного дядюшку со склонностью к крепким напиткам? И почему так ненавидят двоюродного брата?

Только я подумала об этом, как в мою спину ткнулось что металлическое, холодное, диаметром как раз со ствол пистолета. Я подавила инстинктивное желание развернуться и ребром ладони перебить гортань нападавшему. Собственно, на меня никто не нападал. Запах туалетной воды от «Хьюго Босс» лучше всякой визитной карточки сообщил мне, кто вздумал так неловко подшутить надо мной. Я терпеливо подождала, пока сзади не послышался самодовольный смех, и ломкий голос молодого человека произнес:

– А говорили, что вы круче всех в этом городишке. Оказывается, у моих сестер хреновая охрана. За что отец деньги платит?

– Добрый вечер, Вадим, – сказала я, оборачиваясь и отстраняя рукой металлический ключ, диаметром не уступавший карманному пистолету.

– Что это вы по ночам разгуливаете? – продолжал веселиться юноша. Судя по всему, настроение у него было преотличное – ничего похожего на обычную дневную вялость.

– Да так, не спится. – Я пожала плечами. – А вы?

– Люблю ночь. – Сын хозяина картинно вздохнул полной грудью. Воздух и правда был ароматным и теплым, – даже не верится, что уже осень.

Я твердо убеждена, разговоры о погоде – пустая трата времени. Поэтому я повернулась с намерением уйти. Все-таки надо было хоть немного поспать, неизвестно, что ждет нас завтра. Но Вадик ухватил меня за рукав. Я с удивлением уставилась на его пухлые пальцы, и юноша поспешно убрал их.

– Кстати, Вадим, не хочу показаться невежливой, но не стоит вот так пугать людей по ночам, – сквозь зубы проговорила я. Если бы не резкий запах туалетной воды, я вполне могла бы причинить вред тому, кто возникает из темноты и тыкает в спину оружием.

– Вас так легко напугать? – фыркнул пухлый юноша.

– Очень. Работа у меня нервная, – вздохнула я. – Вы что-то хотели мне сказать, Вадим?

Сын хозяина покосился на домик у бассейна. Свет в нем был погашен, и только синий экран телевизора светился в темноте.

– А, вижу, вы уже познакомились со Шкарпеткой! – радостно воскликнул Вадик.

– С кем, простите?

– С дядей Полом. Шкарпетка – его домашнее прозвище. Дядя Борис всегда его так звал.

Обсуждать Павла мне совершенно не хотелось, поэтому я перевела разговор на другую тему:

– А вы хорошо помните своего дядю?

Вадик вздохнул:

– Конечно. Мне же было уже четырнадцать.

Ага, значит, он старше близняшек на два года, и сейчас хозяйскому сыну двадцать.

– Такой ужас, никогда не забуду, – пожаловался юноша. – Это случилось прямо у нас на глазах. У ворот. С тех пор мы все немного не в себе. Вы, наверное, думаете, что мы все тут ненормальные?

Мне стало неловко перед молодым человеком. Пережить такое в подростковом возрасте! Естественно, останется след на всю жизнь.

– Ну что вы, Вадим! – не вполне искренне воскликнула я. Честно говоря, семейство Горенштейн вызывало некоторые опасения, хоть я и не привыкла критиковать клиентов.

– Да бросьте, не надо притворяться! – махнул пухлой ладонью Вадим. – На самом деле мы все с приветом. Вот я, например.

– А что с вами не так? – вежливо поинтересовалась я. Насколько я успела убедиться, аппетит у юноши был отменный, и Вадик не производил впечатление нездорового.

– У меня бессонница, – пожаловался юноша. – А еще сплин. Знаете, что это такое? Беспричинная тоска накатывает.

Я смерила взглядом его массивную фигуру и подумала, что лучшим лекарством для него стали бы бег трусцой и диета. Потягать железо в спортзале тоже очень полезно. Но, разумеется, промолчала.

– А еще мы все ужасно мнительные, – продолжал излагать свои претензии к мирозданию младший Горенштейн. – И нервные очень. Моя матушка – вы, наверное, уже заметили, что она тут всем заправляет – постоянно боится, что со мной что-то случится. Несколько раз я уезжал учиться. Последний раз в Лондоне прожил почти год, – Вадик вздохнул, – замечательное было время. И надо же – там теракт случился! Тогда мама – раз, и отозвала меня домой. А чем мне здесь заниматься? Я же говорю, чокнутая семейка, а?

– Ваши родители – здравомыслящие, успешные люди, – дипломатично проговорила я. Совершенно не собираюсь обсуждать своих работодателей с этим мальчишкой.

– А про наших бедных сироток вы тоже можете такое сказать? – хрюкнул Вадик. – Кстати, вы знаете, что они до сих пор иногда спят в одной постели?

– Что вы имеете в виду? – осторожно спросила я.

– Боятся темноты! – сверкнули в темноте белые зубы любящего брата. – То одна, то другая просыпается с воплем и бежит к сестренке в кровать. Обнимутся и спят, как пара младенцев. Не пойму, как они собирались замуж! Совершенно идиотская затея.

Интересно, что в этом вопросе Вадик солидарен с Павлом Станиславовичем. И почти в точности повторил его слова.

– Глупые, как пробки, что Лиза, что Тина. Избалованные до неприличия. Злобные сучки. Тут я не выдержала:

– Вадим, за что вы так не любите своих сестер?

Пухлое лицо с редкой светлой бородкой задрожало, и ломкий от обиды голос пояснил:

– А за что мне их любить? Они украли у меня любовь моих родителей. Вечно все только с ними носились. «Ах, сиротки! Ох, бедняжки! Ах, пережить такое!» – передразнил Вадик. – А я, между прочим, тоже там был и все видел. И мне было четырнадцать, немного больше, чем этим кретинкам. Но обо мне почему-то никто не беспокоился.

– Но сейчас вы уже взрослый человек, – как могла мягко, произнесла я. – Давно пора простить детские обиды и жить дальше.

– Так они мне не дают, – возмущенно вскричал Вадим. – Слышали, как дразнятся?

Да пожалуй, мальчик прав. В этой семье нормальным не назовешь никого. Порывистый и легкомысленный Аркадий, его властная и вздорная жена, их сын, лелеющий детские обиды, а уж близнецы, пожалуй, тоже далеки от нормы, особенно та, что младше на семь минут, Валентина.

– О, вот вам живой пример! Полюбуйтесь! – радостно воскликнул Вадик.

Я обернулась и замерла на месте. Руки у меня похолодели. В горле мгновенно пересохло.

По крыше трехэтажного дома скользила девичья фигура в белой пижаме. Высота здесь была приличной – если упадет на плиты двора, костей не соберешь. Что понадобилось одной из сестер на крыше посреди ночи?!

За спиной еще не стих довольный смех Вадика, а я уже бежала к дому. Что, если девушка собирается прыгнуть с крыши? Успею ли я ее остановить?

Я подбежала к стене дома, подпрыгнула, подтянулась – и вот уже карабкаюсь по пожарной лестнице. Есть у меня одна особенность, которая часто выручает в трудных ситуациях – я не привыкла раздумывать, а сразу начинаю действовать.

Не прошло и трех минут, а я уже была наверху. Девушка успела довольно далеко пройти по гребню крыши. Черепица под ногами была скользкой. Я смирив взглядом расстояние, которое мне предстояло преодолеть, и быстро скинула ботинки. Теперь острый гребень резал ступни, но я не боялась сорваться. С чувством равновесия у меня все в порядке, и высоты я никогда не боялась. Стараясь ступать осторожно, я настигла беглянку.

На всякий случай я не стала окликать девушку и правильно сделала. Когда одна из близнецов повернула голову и лунный свет упал на ее лицо, я поняла две вещи. Первая – передо мной Тина Горенштейн. И вторая – с девушкой что-то не так. Неужели она лунатик? Никогда в жизни мне не приходилось сталкиваться с такой аномалией!

В лунном свете лицо Тины казалось смертельно бледным, полузакрытые глаза выглядели темными провалами, а волосы казались серыми и развевались на ветру. Казалось, девушка не понимает, где находится. По острому коньку крыши, где я балансировала, как канатоходец, Тина шла так, как будто под ее ногами был паркет ее собственной спальни.

Я начала напевать под нос мелодию без слов. Несколько раз я слышала, как кто-то из близнецов мурлычет детскую песенку, задумавшись о чем-то. Именно ее напевала Лиза, утешая сестру после вспышек ярости или слез. Видимо, это была песенка из детства близнецов, из той спокойной, нормальной жизни до взрыва, до трагедии.

Валентина слегка повернула голову, заслышав знакомую мелодию. Ободренная успехом, я подключила слова:

– Слониха, слоненок и слон в авоську сложили подарки, и в море уплыли на синей байдарке слониха, слоненок и слон...

Если бы кто-то мог сейчас видеть нас – босую девушку в белой пижаме и телохранителя, напевающего детскую песенку, – то решил бы, что это сон или сцена из фильма режиссера-сюрреалиста.

– И в море уплыли на синей байдарке...

Слов я не знала, поэтому завела по второму разу. Тина сонно улыбнулась. Может быть, девушке казалось, что это мама поет ей колыбельную на ночь? Я осторожно взяла Валентину за руку и повела по острому гребню крыши, продолжая напевать мелодию без слов. Девушка-лунатик послушно следовала за мной.

У лестницы возникли затруднения. Как заставить Валентину спуститься? На уровне второго этажа черным провалом зияло распахнутое окно – похоже, через него близняшка выбралась на крышу.

Я прикинула расстояние до окна. А что, может получиться! Это будет проще, чем вести спящую в дом, потом по лестнице через парадную дверь, причем в любой момент лунатик может проснуться и испугаться.

Теперь я насвистывала сквозь зубы прилипчивый мотивчик. Тина покорно шла за мной. Я поставила ногу на первую ступеньку лестницы, подождала, когда девушка приблизится, и начала спускаться. Валентина повторяла каждое мое движение. Отлично! Чувствуя себя крысоловом из Гамельна, который своей музыкой увел из города всех детишек, я влезла в окно второго этажа. Тина легко скользнула вслед за мной, и я наконец перевела дыхание. Это был коридор в крыле, где помещались спальни сестер. Я довела Тину до ее собственной спальни, дождалась, когда девушка заберется в постель. С блаженной улыбкой на лице Валентина Горенштейн натянула на себя одеяло, сложила руки под щеку, глубоко вздохнула, и тут лицо девушки изменилось. Исчезло блаженно-детское выражение безмятежного счастья, передо мной была привычная – резкая, нервная, несчастная девушка. Зато она спала по-настоящему – ворочаясь и вздрагивая во сне, но явно не собираясь на поиски приключений.

Я перестала насвистывать, и в спальне повисла тишина, нарушаемая прерывистым дыханием девушки.

Остаток ночи я провела в коридоре, сидя в кресле и таращась в телефон. Из Интернета я почерпнула массу сведений о лунатизме и лунатиках, но не нашла ничего, что объясняло бы связь между пережитой в детстве травмой и хождением по крышам.

Утром моя подопечная, как и полагается классическому лунатику, не помнила ничего из того, что произошло ночью. Тина очень удивилась бы, обнаружив меня сидящей в кресле у ее дверей, поэтому я убралась оттуда перед рассветом – когда стало окончательно ясно, что приступ не повторится.

Я искала возможности поговорить с Анной. Мачеха не мачеха, но ведь именно эта женщина заменила близнецам погибшую мать. Она занимается их здоровьем, а значит, вопрос про влияние луны на сестер Горенштейн – это к ней. Но, спустившись вниз, я обнаружила, что семья уже завтракает. Анна уставилась на меня и своим обычным тоном – как будто мы продолжаем ссору, начатую уже давно, – громко осведомилась:

– Евгения, чем это вы занимались ночью? Вас видели на крыше, а ваши ботинки обнаружили на газоне. Что все это значит?!

– Э-э, вопросы безопасности, – сделав непроницаемое лицо, с апломбом произнесла я.

Тина возила ложкой по тарелке, точно капризный ребенок. Лиза же ела аккуратно и с аппетитом. Поразительные девушки! У одной только что убили жениха, а она как ни в чем не бывало подкладывает на тарелку домашний малиновый джем, и на ее гладком лбу нет ни мор-

щинки. Другая путешествует по крышам, а наутро свежа, как маргаритка на лугу, и, конечно, ничего не помнит.

Дождавшись, когда Горенштейны закончат завтрак, я попросила Анну уделить мне время для разговора. Та неохотно согласилась.

Коротко, без подробностей я рассказала женщине о том, что случилось этой ночью. Удивительно, но Анна мне не поверила!

– Евгения, я не понимаю, зачем вы говорите такие ужасные вещи, но этого просто не может быть!

Я во все глаза смотрела на хозяйку поместья.

– Здоровье девочек – предмет моего пристального внимания вот уже шесть лет, – неприятным голосом сообщила мне Анна. – У нас есть собственный семейный доктор, он осматривал близнецов после того, что случилось на свадьбе, – у Анны дернулся уголок рта, – и он признал, что физически девочки совершенно здоровы.

– А психически? – рискнула спросить я. Поразительно, но мои соотечественники почему-то считают психическое нездоровье чем-то неприличным и предпочитают делать вид, что все в порядке, когда давно уже пора звать специалистов. Вот и Анна повела себя предсказуемо:

– Как вы могли такое подумать, Евгения! Близнецы совершенно здоровы. Девочки немного нервные, особенно Валентина, но, учитывая обстоятельства, удивляться нечему.

– Но у Тины определенно был приступ лунатизма!

– Хорошо, я попрошу семейного доктора еще раз осмотреть ее, – недовольно проговорила Анна, и на этом наш разговор завершился. Я дала себе слово проследить, чтобы на окна второго этажа поставили красивые ажурные решетки, причем побыстрее.

Глава 3

За завтраком Аркадий был непривычно молчалив, даже не реагировал на нудные упреки супруги. Анна даже с удивленным видом заглянула в лицо мужа, видимо, что-то такое на нем прочитала и отстала. Наконец миллионер бросил салфетку и встал.

– Девочки, собирайтесь, мы едем на Покровку.

Тина и Лиза немедленно поднялись и отправились к себе одеваться. Через пятнадцать минут бронированный автомобиль мчал Горенштейна, близнецов и мою скромную персону в сторону города. Лиза и Тина нарядились в одинаковые деловые костюмы – юбка-карандаш, белая блузка с жабо, элегантный пиджачок, острые каблочки туфелек-лодочек и капельки крохотных бриллиантов в ушах – правда, только у Лизы. В руках девочки держали одинаковые сумочки и выглядели деловито-оживленными.

За четыре дня моей жизни в Семирадово мне еще ни разу не удалось пообщаться с сестрами дольше нескольких минут, так что близнецы по-прежнему оставались для меня загадкой. Почему юные красотки соглашались вести такую уединенную жизнь в поместье дяди? Неужели им никогда не хотелось вырваться из золоченой клетки, которую выстроил для них Аркадий? Почему у близнецов нет друзей? Разве им не хочется весело провести время – потанцевать, пофлиртовать с мальчиками наконец? То, что их родители погибли шесть лет назад, вовсе не означает, что сестры должны заживо замуровать себя в стенах фамильного имения. Почему Лиза и Тина не протестуют, не пытаются вырваться на свободу?

Кроме того, на мой взгляд, девушки поразительно быстро оправались от последствий трагедии. Гибель жениха, расстроенная свадьба, окровавленная голова на коленях невесты – такое не скоро забудется. Однако вот они, рыжие сестренки, оживленно переговариваются, указывая друг дружке на пейзажи за окном автомобиля. Говорят, Лиза любила Марата Акчурина. Что-то не похоже! Девушка не выглядит убитой горем.

На красивом лице Валентины Горенштейн тоже не было заметно последствий вчерашнего престранного происшествия. Девушка вылезает из постели, глухой полночью гуляет по крыше, точно невеста Дракулы. И вот уже смеется вместе с сестрой над какой-то остротой.

Зато Аркадий казался чем-то озабоченным и молча смотрел в окно. Машина шла на хорошей скорости. Шофер – плечистый немногословный Николай – вел тяжелый автомобиль уверенно и умело. Интересно, водителей для Горенштейнов тоже подбирает столичное кадровое агентство? Я знала, что шесть лет назад шофер Бориса Станиславовича погиб вместе с ним. Была ли у него семья, дети, и где они сейчас?

Покровская улица, в недалеком прошлом – проспект Карла Маркса, за последние десять лет превратилась из тихой, обсаженной пыльными тополями, кривой улочки в подобие столичных деловых кварталов. Здесь располагались бизнес-центры, офисы и представительства крупных компаний. Имелся свой кусок земли и у Горенштейнов. На нем возвышался семиэтажный деловой центр, сверкавший свежестроенным фасадом и чисто промытыми стеклами. Наш автомобиль въехал на территорию, и тут же за нами задвинулись тяжелые стальные ворота. В нужных местах поблескивала оптика камер видеонаблюдения, а вход представлял собой стеклянно-металлический шлюз с рамкой металлодетектора. Причем стекло, судя по характерному синеватому отливу, было пуленепробиваемое. Некстати вспомнилось кино про пиратов Карибского моря. Похожий на осьминога Дэйви Джонс, капитан «Летучего голландца», хранил свое сердце в сундуке за семью замками. Похоже, сердце семейно-промышленного клана Горенштейн располагалось именно здесь, и оно было надежно защищено.

Охрана на входе не сделала исключений для прибывших с инспекцией хозяев – всех нас, даже девочек, вежливо попросили пройти сквозь рамку и выложить на ленту, почти как в аэро-

порту, все «пищащее». Особенно тщательно досматривали меня. Охранники прямо-таки сделали на меня охотничью стойку, даже не зная еще, кто я такая. Опытный человек чувствует опасность, исходящую от другого, спинным мозгом и способен предугадать возможную угрозу, исходящую от незнакомца, просто по тому, как человек стоит, ходит, держит руки, куда смотрит, входя в помещение. Если бы охранники были сторожевыми псами, почуявшими волчицу в овечьей шкуре, и то их реакция не была бы такой заметной. Только что не рычали и зубов не скалили. Интересно, что Аркадий не остановил своих охранников, не сказал им что-то типа «Это со мной». Он позволил им тщательно досмотреть меня, изъять под расписку оружие и вообще просмотрел весь спектакль с видимым удовольствием.

– Ничего, Евгения, не волнуйтесь, – наконец соизволил успокоить меня Горенштейн. – В этом здании нам ничего не грозит. Мы под надежной охраной.

Что ж, с этим следовало согласиться. Признаться, я с удвоенным усердием высматривала бреши в обороне делового центра, но так и не нашла. Да, это вам не охранный агентств «Альбатрос-98»! Тут защиту ставили профи.

Один из двух скоростных лифтов, похожий на стеклянный стакан, поднял нас на седьмой этаж. Там располагался громадный, комфортабельный, до невозможности элегантный – в мужском, сдержанно-благородном стиле – кабинет Аркадия Станиславовича. Впрочем, безопасностью не пренебрегали и здесь – перед входом в приемную помещался просторный тамбур, в котором скучал охранник. При виде входящих хозяев он вскочил и вытянулся по стойке «смирно» – видимо, происходил из бывших военных. Проходя через приемную, я краем глаза зафиксировала цветы в напольных кадках и субтильную мужскую фигуру за компьютером. Мы вошли в святилище деловой империи Горенштейнов.

Девочки сразу же устремились к удобным креслам, а Аркадий Горенштейн подошел к массивному столу из красного дерева и нажал кнопку селектора.

– Костя, Базарчук подъехал?

– Подъехал, Аркадий Станиславович, как раз заезжает на территорию, – отозвался приятный мужской голос. – Сразу к вам проводить?

– Да, будь добр, – распорядился Горенштейн.

В ожидании посетителя миллионер присел на край стола. Я отметила про себя, что массивное кресло босса было поставлено на подиум, и входящему в кабинет посетителю хозяин кабинета представлялся каким-то Зевсом-громовержцем, нависавшим над бедным просителем. Давно используемый и растиражированный прием, популярный скорее в конце девяностых. «Странно, что такой дешевый трюк использует Аркадий», – думала я, глядя на него, легкого, стройного, не по годам молоджавого, наблюдая, как он покачивает ногой в элегантном ботинке, как откидывает назад кудрявые светлые волосы.

Видимо, миллионер заметил, как я таращусь, и снизошел до объяснений:

– Это кабинет Бориса, моего дорогого брата. Мы начинали бизнес вместе. – Аркадий посмотрел на сестер. – В те дни девочки часто здесь бывали.

Ага, а в последнее время, судя по всему, очень редко. Понятно.

Напольные часы – очевидно, старинные и очень дорогие – пробили одиннадцать раз. Все почтительно прослушали мелодичный звон.

Нежно заиграл селектор:

– Аркадий Станиславович, Базарчук сейчас будет в приемной.

– Проводите, Костя, – велел Горенштейн. – Да, кофе нам, пожалуйста. И еще – через час подъедет Ващенко, проследите, чтобы они не пересекались. Ващенко тоже сразу к нам.

Горенштейн повернулся в мою сторону и довольно властно – я еще ни разу не слышала у него такого тона – произнес:

– Евгения, у нас деловое совещание. Информация, сами понимаете, не предназначена для посторонних. Вам придется подождать в приемной.

Я окинула взглядом кабинет. Что ж, найти в нашем городке более защищенное помещение сложно, так что я с чистой совестью оставляю девочек.

Покидая кабинет, в дверях я столкнулась с коренастым мужчиной в сером костюме, придававшим ему некоторое сходство с деловитым носорогом. Очевидно, это и был тот самый Базарчук, приезда которого ожидал Аркадий. Базарчук бросил на меня колючий подозрительный взгляд из-под густых бровей и прошел в кабинет.

А я вышла в приемную и устроилась в современном сетчатом кресле напротив стола секретаря. Интересно то, что, вопреки национальным традициям, в приемной у Горенштейна не хорошенькая девица с серебряными ноготками, а секретарь с очками на носу – это инициатива самого Аркадия или происки его ревнивой супруги?

Секретарь Костя, несмотря на очки, придававшие его безумному лицу немного солидности, вовсе не был «ботаником». Вполне симпатичный молодой человек, с дорогими часами на запястье и последней моделью смартфона, он щелкал «мышкой», глядя в монитор. Я закинула ногу на ногу и метнула в сторону Константина оценивающий взгляд. Секретарши всех мастей меня терпеть не могут, начиная от юной фифы с узорами на ногтях и кончая старой закаленной стервой в юбке до колена и туфлях на низких каблуках. Почему-то я их раздражаю, сама не пойму. Зато с мужчинами я легко нахожу общий язык.

Когда Константин подал в кабинет кофе, я быстро встала и украдкой взглянула, чем занят мальчик-секретарь. Конечно, как и следовало ожидать, на мониторе были открыты две вкладки. Первая – какие-то деловые документы с названиями типа «Расписание, июль» или «встречи, 1-я декада». А рядышком... о, рядышком был открыт сайт, который обещал многое. Так что, когда Костя вернулся и устроился в своем кресле, я впиалась в секретаря взглядом и не отрывалась до тех пор, пока мальчик не занервничал.

Костя несколько раз покосился в мою сторону, наконец скулы его слегка покраснели, секретарь снял очки и повернулся ко мне.

– Простите, Константин, мы раньше не встречались? – озабоченно хмуря брови, поинтересовалась я. – Знаете, ваше лицо кажется мне знакомым.

Молодой человек смерил взглядом мою фигуру протяженностью в один метр восемьдесят сантиметров – от тяжелых ботинок до элегантной стрижки, – и покачал головой:

– Не думаю. Я бы обязательно вас запомнил.

Я польщенно улыбнулась и вдруг распахнула глаза, как будто осененная внезапной догадкой:

– Вспомнила! Мы встречались прошлой весной на Драконьем камне!

Костя расплылся в улыбке, но тут же подозрительно уставился на меня:

– Но я совершенно вас не помню.

Потупившись, я выдала правдоподобную ложь:

– Понимаете, я была сильно загримирована. В образе. Вы ведь тоже были не в этом костюме, верно, Костя?

Юноша опустил глаза, смутившись, потом мы взглянули друг на друга и разом расхохотались. Спohватившись, Костя зажал рот ладонью и сделал страшные глаза, кивнув в сторону кабинета. Но вряд ли за тяжелой дверью был слышен хоть один звук – до нас не доносилось ни слова из делового разговора Аркадия Горенштейна и господина Базарчука.

Теперь лед в наших отношениях был сломан, и мальчишка признал во мне родственную душу – ролевика нового поколения.

Прием, который я применила, чтобы втереться в доверие к секретарю, называется «метод хамелеона». Я использую его в своей работе с первого дня, и еще ни разу он меня не подводил. Могла бы запатентовать авторство, если бы не моя врожденная скромность. Собственно говоря, метод представляет собой слегка упрощенную и переработанную методику, которой меня обучили еще в Ворошиловке, весьма специфическом учебном заведении.

Хочешь стать своей в любой компании – среди дальнобойщиков, парикмахерш, учительниц, работниц клинингового агентства или женщин-политиков? Тогда подстройся, симитируй манеру говорить, одеваться, на время влезь в шкуру собеседника, примерь личину, усвой образ мыслей. Стань такой же, пусть на время. И человек откроет тебе свое сердце, а также душу и кошелек, ведь люди – все, без исключения, умные и глупцы, бедные и богатые, – бессознательно сортируют окружающих по принципу «свой-чужой». Перед чужим закрываются, а «своему» готовы довериться.

Случай ролевика Кости был простейшим – иногда, чтобы «метод хамелеона» сработал, приходится потрудиться. Например, однажды я две недели проработала в клининговом агентстве «Пандора», где скрывались убийцы. И предпочитаю не вспоминать о той истории.

А тут даже выдумывать ничего не пришлось. Я взглянула, на каком сайте сидит мальчик, затем просто сложила два и два и на выходе получила предсказуемый результат. Я знала, что в нашем городе не так давно возникло новое сообщество. От клуба реконструкторов отпочковались ролевики. Эти ребята орудовали в нашем Тарасове и раньше, но лет десять назад это были так называемые «толкиенисты». Фанаты Рональда Руэла Толкиена и его великой саги «Властелин колец», которая, собственно, и положила начало жанру фэнтези. Что такое фэнтези? Это сказка для взрослых. Сагой Толкиена, действительно умной и талантливо написанной, зачитывались не только дети, но и вполне взрослые дяди и тети. Компьютерные игры дали новый взлет фэнтези. Талантливых книг не так уж много – ну, «Горменгаст», ну, «Волкодав», – а формат игр пришелся как раз впору девушкам в эротичных латах и героям с двумя мечами, о которых доктор Фрейд не знал бы, что и подумать. В общем, постепенно ролевики переродились в реконструкторов. На смену эльфийским лукам пришли половецкие, на смену топорам орков – мечи русских витязей. Никто больше не бегал по полям в развевающихся одеждах, утверждая, что эльфы способны выжить и в нашем суровом климате. Зато теперь на Дни города и всякие официальные мероприятия выходили серьезные ребята, которые прилежно и методично рубились на потеху публике. Они сами вязали кольчуги и знали, удар какой силы способен выдержать шлем с наносником. Правда, девушек в их среде заметно поубавилось. Не всякая дева готова чинить заклепки на кожаных ремнях, ломая ногти.

Вот из этой среды и вышли «мартинисты» – фанаты саги Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени». Точнее, скорее не книги, а талантливо снятого сериала. Я тоже попала под обаяние первого сезона. Я киноман со стажем, а вот для чтения книг времени у меня маловато. Но тут я честно прочла многотомную эпопею. Подобно тому, как англичанин Толкиен открыл жанр фэнтези, американец Мартин его «закрыл». Писатель попросту использовал все возможные в узких рамках жанра сюжетные ходы. Его герои странствовали, влюблялись, умирали, мстили, захватывали королевства, всходили на трон, находили артефакты древности, будили уснувших чудовищ... и так далее, и до бесконечности. Не знаю, вряд ли какой-то писатель осмелится теперь написать что-то в жанре фэнтези. Ему, бедненькому, останется только подбирать жалкие крошки с роскошного стола Джорджа Мартина.

«Мартинисты» нашего городка, которым наскучило рубиться прямыми мечами, затеяли воссоздать на просторах тарасовской земли мир Семи королевств. Нашли костюмов, заказали по Интернету оружие (разумеется, имитацию) и зажили своей жизнью – довольно веселой, кстати. Сайт у них был бодрый, позитивный. Новеньких к себе они не зазывали, фанаты «Песни льда и пламени» и сами находили дорожку в клуб. Ребята вели себя прилично и порядка не нарушали. Поскольку я считаю этот городок своим, то периодически мониторию состояние дел на «моей» территории. Так что общее представление о клубе я имела. А уж сагу мэтра фэнтези я просмотрела до последнего кадра, так что беседу вполне могла поддержать.

– Да, на Драконьем камне, – повторила я. – Отличная вышла игра, правда, Костя?

Секретарь кивнул и поинтересовался:

– Если не секрет, то кем вы были там?

Я погрозила пальцем любопытному мальчику и строго сказала:

– Секрет. Иначе будет неинтересно.

Пришлось Константину со мной согласиться: право на сохранение тайны относится к числу, так сказать, базовых для любого ролевика – как первая поправка для американца.

– Женья, – я протянула руку, которую секретарь с дружелюбным видом пожал.

Теперь мы с Костей были, что называется, свои, так что я могла без стеснения задавать вопросы о том, что интересовало меня на самом деле – и уж куда больше, чем проблемы Семи королевств. Я немедленно перешла на «ты», до предела сокращая дистанцию.

– Скажи, Костя, а близнецы часто приезжают сюда?

– Честно говоря, я работаю здесь второй год, и за это время видел их всего пару раз, – пожал плечами секретарь.

– Кажется, девочки не слишком интересуются делами, а?

– Чересчур молоды, – снисходительным тоном выдал Костя. – Нет, Женья, не подумай, что я какой-то сексист. Женщины тоже бывают вполне, – он покосился на меня и закончил смущенно: – Профессиональными. Но бизнес есть бизнес. К тому же этому надо специально учиться.

– А девочки всего лишь среднюю школу окончили, – задумчиво проговорила я. – Интересно, как же они собираются управлять своей долей семейной империи?

Костя покровительственно улыбнулся:

– Как раз это не проблема. Достаточно выбрать хорошего советника. Вот у Аркадия Станиславовича такой талант есть – у него работают самые крутые профи, и дела идут просто отлично. Думаю, и Елизавета Борисовна, и Валентина Борисовна наймут финансовых консультантов.

– Это ведь чисто семейный бизнес? – уточнила я, задумчиво разглядывая кактус в керамическом горшке с забавной рожицей.

– Да, об этом еще Борис Станиславович позаботился, – кивнул секретарь.

– Значит, близнецы редко здесь бывают. – Я вернула разговор в интересующее меня русло.

– Может быть, бывали бы и чаще, но что им тут делать? – усмехнулся Костя. – Сестрам ведь всего два месяца назад исполнилось по восемнадцать, а до того их наследством распорядился Аркадий Станиславович, он их опекун.

– Да, конечно, – покивала я. – Зато теперь девушкам придется бывать тут чаще.

– Вряд ли, после того, что случилось в прошлый раз! – наморщил тонкий нос Костя.

Я вопросительно подняла брови, и секретарь охотно пояснил:

– Такой ужас, Женья, представляешь, близнецы в лифте застряли!

Я разочарованно откинулась на спинку кресла:

– Подумаешь! Что тут такого? Я на днях тоже в нашей девятиэтажке сорок минут просидела, пока дождалась помощи. Ругалась и ненужные сообщения удаляла. Тоже мне, трагедия!

– Для тебя, может, и нет. – Секретарь понизил голос и воровато глянул на дверь кабинета. Дверь была плотно закрыта, видимо, до конца делового совещания далеко. – А у Валентины Борисовны проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.